

РОССИЯ И СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО*

Аналитическое исследование

М. Кастельс, Э. Киселева

Данная статья не является в строгом смысле статьей о России. Скорее, в работе представлена попытка применить аналитическую модель социальной структуры информационной эпохи к российской действительности конца XX в. Как и в случае с любой другой моделью, было бы наивно ожидать полного совпадения российской реальности и предлагаемой теоретической конструкции. Однако мы надеемся, что осмысление социальных тенденций в России с позиций данной модели даст возможность выработать некоторые плодотворные гипотезы для лучшего понимания эмпирических исследований, описывающих происходящее в стране. Следуя этому замыслу, мы будем прибегать к иллюстрации своих аргументов данными эмпирических наблюдений. Тем не менее это ни в коей мере не следует рассматривать как претензию на исчерпывающий анализ социальных, технологических, экономических, культурных, и политических трендов России. Безусловно, даже предельно сжатый эмпирический анализ столь широкого круга вопросов исследования современной России может стать объемной монографией. Мы надеемся, что аналитический подход, предложенный в работе, способен внести свой вклад в такое исследование.

Сетевое общество

Сетевое общество представляет собой социальную структуру, характеризующую, пусть и с большим разнообразием проявлений в зависимости от культурной и институциональной специфики, информационную эпоху развития общества. Данная модель представляет синтез эмпирических исследований и аналитической работы, проведенных М. Кастельсом на трех континентах, во множестве стран, включая и Россию, в течение почти 14 лет, что отражено в трилогии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1), опубликованной в 1996—1998 гг. Сетевое общество характеризуется одновременной трансформацией экономики, труда и занятости, культуры, политики, государ-

* Статья является публикацией доклада на конференции «Россия в конце XX века», состоявшейся 5—7 ноября 1998 г. в университете Стэнфорда. Авторы выражают благодарность профессору Грегори Фрейдину за его плодотворные комментарии.

ственных институтов и в конечном счете пространства и времени. Новые информационные и коммуникационные технологии, будучи совершенно необходимым инструментом такой многонаправленной трансформации, не являются ее причиной. Генезис сетевого общества в значительной степени обусловлен ходом истории, а именно тем обстоятельством, что в начале 70-х годов в мире параллельно протекали три важнейших, независимых друг от друга процесса: информационно-технологическая революция; культурные и социальные движения 60—70-х годов; кризис, приведший к реструктурированию (перестройке) двух существовавших в то время социально-экономических систем — капитализма и этатизма.

Этатизм оказался не в состоянии адаптироваться к требованиям информационной эпохи, что, несмотря на его отчаянные попытки преодолеть противоречия своего развития, привело к утрате политического контроля и коллапсу. Капитализм продолжил триумфальное шествие в результате самотрансформации по направлению к новому, выхолощенному и усредненному воплощению капиталистической идеи. И сразу после этого ему пришлось столкнуться с новыми драмами, кризисами и конфликтами, порожденными его собственной противоречивой природой.

Новая социальная структура в виде сетевого общества, характерная для большей части планеты, основана на новой экономике. Эта экономика капиталистическая, но речь идет о новом виде капитализма, информационного и глобального. Другими словами, знания и информация становятся ключевыми источниками производительности и конкурентоспособности, этих двух решающих факторов любой экономики. Генерирование знания и информационные технологии зависят от доступа к соответствующей технологической инфраструктуре, а также от качества человеческих ресурсов, от их способности управлять новейшими информационными системами. Глобализация связала воедино все центры экономической активности во всех странах, даже если большинство видов деятельности, рабочих мест и людей все еще остаются национальными и локальными. Экономик всех стран зависят от глобальных финансовых рынков, международных связей в области торговли, производства, управления и распределения товаров и услуг. Иностранные инвестиции, прямые или посредством покупки акций, формируют модель и условия развития экономик большинства стран планеты. Новая экономика организована вокруг информационных сетей, не имеющих центра, и основана на постоянном взаимодействии между узлами этих сетей, независимо от того, локальные они или глобальные. Но глобализация не ограничивается экономикой. Медиасети применяются в деловом общении, а также в глобальном обмене информацией, звуком и изображением. Интернет стал горизонтальной средой всемирной коммуникации, охватывающей около 130 млн пользователей с перспективой роста до 500 млн в начале XXI в. Сетевые формы организации обеспечивают существенную гибкость фирм, индивидов и стран. Постоянная адаптация к вихреподобной смене конъюнктуры в области капитала, спроса и технологий — вот суть этой игры. Единственным правилом является полное отсутствие правил. Если они еще и существуют, то обходятся посредством использования множества сетей.

При таких условиях суверенное национальное государство вступает в фазу непреодолимого кризиса. Но это не означает, что государство исчезнет как таковое, хотя оно уже существенно трансформировалось.

Национальные государства объединили свои усилия, защищаясь от глобальных финансовых рынков, глобальных медиа, глобального Интернета, глобальной преступности, глобального терроризма, глобальных экологических и социальных проблем. В результате национальные государства становятся более эффективными, но все более удаляются от собственных специфических национальных смыслов. Чтобы легитимизировать сокращение своих полномочий, государства проводят политику децентрализации власти посредством передачи полномочий и ресурсов региональным и местным правительствам, а также разнообразным неправительственным организациям. Вследствие этого им удается добиться усиления связей между гражданами и государством, что укоренено в чувстве территориальной идентичности и общности. Ценой такого успеха является недейственность даже будущей, потенциальной власти национального государства. Таким образом, новое государство информационной эпохи является собой новый тип сетевого государства, основанного на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними.

Мир труда и оплачиваемой работы также глубоко трансформировался. В целом имеет место индивидуализация работы и сетевая децентрализация рабочих мест в противовес социализации работы, вертикальной интеграции, а также крупномасштабности производства, что было характерно для индустриального общества. Это не означает, что малый бизнес теснит крупный. Фактически мы являемся свидетелями беспрецедентной концентрации капитала и управленческих ресурсов посредством мегаобъединений и суперконгломератов. Различия между крупным и малым бизнесом все более устаревают. Крупные организации осуществили внутреннюю децентрализацию, что придало их внутренней структуре характер сетей, взаимодействующих с другими организациями в рамках отдельных проектов. Малые и средние предприятия формируют свои собственные сети, поставляя себя в качестве сетевого элемента для более крупных сетей партнеров. Работники получают разнообразные задания и обязанности в зависимости от конфигурации сетевой организации работы, что индивидуализирует трудовые отношения, ставя их в зависимость от потенциального вклада, накопленного мастерства и развитых способностей. Это относится не только к инженерам Силиконовой долины или финансовым чародеям из Лондона. Этот процесс четко прослеживается в развитии неформальной экономики, в которой сегодня занято большинство городского населения мира.

Культура как набор принятых на веру ценностей и норм оказалась в значительной мере захваченной электронным гипертекстом, который комбинирует, артикулирует и выражает смыслы в виде аудиовизуальной мозаики, способной к расширению или сжатию, обобщению или спецификации в зависимости от аудитории. Электронная среда более не сводится к посланию сообщений. Сообщение есть раскодировка среды, поскольку медиасистема настолько гибка, что адаптирована для послания любого сообщения любой аудитории. Соответственно послание структурирует среду. Мы предполагаем, что речь идет о новой культуре, культуре реальной виртуальности, поскольку наша реальность во многом складывается из ежедневного опыта, получаемого в рамках виртуального мира. Это культура, в которой быть верующим значит творить веру.

Аналогично и в политике. Политика информационной эпохи разыгрывается в пространстве средств массовой информации (СМИ). Не может быть никакого контроля или диктата в работе СМИ, поскольку они плюралистичны, занимают противоречивые позиции и должны завоевывать доверие аудитории. Это делает невозможным проведение средствами массовой информации единой политической линии. Но в своей совокупности СМИ выражают весь политический спектр, поскольку являются основным каналом трансляции информации и образов. Люди формируют собственное мнение и принимают решения на основе того, что они получили из средств массовой информации, перерабатывая различным образом полученные сигналы. Однако единственный сигнал, который они не могут переработать, — это неполученный ими сигнал. Это означает, что отсутствие—присутствие в поле средств массовой информации (в результате включения или исключения из сетей) определяет, кто или что имеет шанс влиять на принимаемые институциональные решения.

Социальные движения также все более являются собой продукт манипулирования общественным сознанием как миром коллективных образов и представлений, что проявилось в движении мексиканских сапатистов* или в движениях защитников окружающей среды. И терроризм и антитеррористические действия используются массмедиа для внесения сумятицы в сознание людей посредством нагнетания атмосферы разрушения, страха, запугивания, вне всякой связи с реальными материальными последствиями этих ограниченных действий.

Пространство и время также трансформировались. Преодоление расстояния с помощью телекоммуникаций и быстрых транспортных систем позволяет организациям и индивидам проводить время совместно без пространственного сближения, что делает возможным их включение в гибкие межтерриториальные структуры, эволюционирующие в функциональные сети взаимодействия. Пространство потоков, в которых представлено большинство стратегически важных видов деятельности, постепенно устанавливает господство над пространством мест, в котором по сей день люди устраивают жизнь, накапливают опыт, приобретают чувство идентичности и вырабатывают политическую ориентацию.

Время уничтожено скоростью связи между компьютерами, что подчинено стремлению избежать напрасных расходов времени, ведущих к утрате инвестиционных возможностей или бесполезному простаиванию ресурсов хотя бы на секунду. Войны с использованием технологий точного попадания в цель и тотального разрушения также элиминируют фактор времени, поскольку, еще ничего не успев предпринять, страны убедятся, что уже слишком поздно и для протеста, и для сопротивления. Или, к примеру, время становится де-последовательным, а стало быть, отрицаемым, в биологической расплывчатости жизненного цикла, что связано с новыми репродуктивными технологиями или регенерацией тел путем клонирования человеческих органов, практическая реализация чего уже находится на этапе коммерциализации. Вневременное время

* Сапата (Zapata) Эмилиано (1879–1919) — мексиканский борец, возглавлявший армию мексиканских индейцев в наиболее успешных походах в целях возврата отобранных властями земель. Был казнен.

информационной эпохи приходит на смену биологическому времени большей части человеческой истории и хронологическому времени индустриальной эры.

Динамизм социальной структуры сетевого общества, его глобальный охват, обусловленный финансовыми рынками, военными технологиями, информационными потоками, делают сетевое общество расширяющейся системой, проникающей различными путями и с разной интенсивностью во все общества. Но именно эти различия исключительно важны, когда мы пытаемся понять реальные процессы жизни и смерти данной страны в данное время. Какого рода сетевое общество перед нами? Каковы различные формы проникновения сетевой логики в различные сферы социальной, экономической и политической организации? Эти вопросы становятся крайне важными для понимания новых реальностей, возникающих где-либо на рубеже веков. Таким образом, сетевое общество — это не модель успеха современности, которой общества должны следовать, чтобы быть успешными. Скорее, это крайне общая характеристика реальности, возникающей социальной структуры. В свое время таковым было индустриальное общество. Поскольку темпы установления информационного общества в различных странах различны, а формы взаимодействия с ранее существовавшими социальными структурами разнообразны, анализ возможных состояний может служить потенциальным ключом к пониманию как стабильности, так и кризиса в современном процессе социальных изменений.

Следовательно, вопросы, ответы на которые и составляют суть статьи, сводятся к следующему: Какой тип сетевого общества возникает в России? В чем его специфика? Как влияет такая специфика на социальные перемены в России в конце века? Или, другими словами, можем ли мы лучше понять Россию, рассматривая ее в процессе двойной трансформации, т. е., с одной стороны, перехода от этатизма к капитализму и, с другой стороны, перехода от индустриального общества к сетевому, что в качестве наиболее явной характеристики предполагает превращение экономики из изолированной в глобальную. Попробуем ответить на эти вопросы.

Информационные и коммуникационные технологии в России

Доступ и широкое распространение информационных технологий не являются сами по себе достаточным условием для развития сетевого общества, однако являются условием необходимым. Соответственно краткое определение состояния информационных технологий в России представляется нам начальным шагом к пониманию ее специфической связи с информационной эпохой. В таблице приведены результаты сравнения России с США, Испанией и Польшей по некоторым базовым индикаторам, стандартизированным в рамках проводимого в 1997 г. компаниями «Hewlett Packard» и «Novell» для Всемирного экономического форума проекта «Карта сетевого общества».

Данные, хотя и в общем виде, показывают значительное отставание России, что явно не соответствует ее научному и образовательному уровню. Рассматривая ключевую технологическую инфраструктуру информационной эпохи, а именно телекоммуникации, Даниэль Доссет делает доказательный вывод об отставании советских, а впоследствии российских телекоммуникаций как результат политики советских лет (2). Исследования Кэмпбелл (3) приводят к

Показатели сетевого общества в отдельных странах
по состоянию на 1994 г.*

Показатель	Страна			
	США	Испания	Польша	Россия
Количество телефонных линий на 1000 населения	602	371	131	162
Количество телевизоров на 1000 населения	790	496	300	379
Доля кабельного телевидения среди домашнего телевидения	68,2	2,19	11,1	0
Количество персональных компьютеров на 1000 жителей	350	70	20	10
Количество подключений в Интернет на 1000 населения	21,8	1,3	0,67	0,13
Место по степени компьютеризации (среди 49 стран)	1	19	34	41
Место в ряду стран сетевого общества (среди 49 стран)	1	25	32	35

* *Источник:* результаты исследования «Карта сетевого общества», проведенного компаниями «Hewlett Packard» и «Novell» для годового (1997) отчета Всемирного экономического форума в Давосе, Швейцария (индикаторы, по которым отсутствуют российские данные, из таблицы исключены).

тому же выводу. Согласно официальной статистике, собранной Рогозински (4), в 1996 г. только 48,7 % городских и 19,7 % сельских домохозяйств были телефонизированы. К тому же существуют значительные межрегиональные различия по этому показателю. Так, уровень телефонизации городских домохозяйств варьирует от 64,5 % в Центральном и 76,9 % в Северо-Западном регионах до 42,1 % в Западной Сибири и 32,2 % в Восточной Сибири. Ключевым фактором отставания в области телекоммуникаций явилось то обстоятельство, что Россия унаследовала от Советского Союза фрагментарную, раздробленную телекоммуникационную структуру. И Кэмпбелл, и Доссет в своих работах отмечают, что в 1991 г. лишь 55 % телефонов были связаны с общей телефонной сетью страны. Остальные принадлежали различным «отраслевым системам», зависящим от министерств и промышленных предприятий. И это без учета специализированных военных телекоммуникаций. Эта раздробленность продолжилась и даже усилилась в посткоммунистический период, когда многие банки, финансовые институты, торговые группы, корпорации по оказанию услуг и бизнес-конгломераты стали создавать собственные спутниковые линии связи. Неупорядоченная приватизация различных систем привела к отсутствию координации, неодинаковому качеству сервиса и отсутствию интегрированной телекоммуникационной сети как основы всеобщей телефонизации. Отсутствие инвестиций и запаздывающее технологическое обновление частных инфраструктур также вело к возрастающему разрыву между общественными и частными сетями, между обслуживанием домохозяйств и физических лиц. В 1996 г. свыше 9 млн человек ожидали своей очереди на постановку телефона.

По оценкам Economist Intelligence Unit Report (1997), при ежегодном введении 2 млн новых линий с учетом необходимости замены устаревших пробле-

ма телефонизации населения может быть решена лишь к 2005 г. В целом обновление и улучшение телекоммуникационной инфраструктуры в 1995—2005 гг. до уровня международных стандартов потребовали бы около 40 млрд долл. В действительности же иностранные инвестиции в телекоммуникации, удвоенные в 90-е годы, не достигли в 1995 г. даже 500 млн долл. При этом иностранные инвестиции играют решающую роль, поскольку 90 % всех новых телефонных систем ручного набора в России импортируются (GBN, 1998). Помимо Министерства связи рынок телекоммуникаций контролируют несколько участвующих компаний, образованных в ходе приватизации. «Ростелеком» имеет всеохватывающий контроль над коммуникациями как на близкие, так и дальние расстояния, несмотря на ухудшение сервиса и высокие цены. Холдинговая российская компания «Связьинвест», 25 % акций которой принадлежит иностранному капиталу, осуществляет местную связь в большинстве регионов страны.

Российское правительство и российские деловые группы, контролирующие телекоммуникационные компании, намеренно ограничивают иностранное влияние и устанавливают стандарты, дающие преимущества российским производителям традиционного телекоммуникационного оборудования. Впрочем, картина может измениться в связи с продолжающейся приватизацией «Связьинвеста». Однако существует область, где иностранные инвестиции и технологии широко распространены: это радиотелефоны, сотовая и спутниковая телекоммуникации. Ведущая роль здесь принадлежит «Cellular Vision of Russia» — совместному предприятию американской компании «Cellular Vision», «Связьинвеста» и российского правительства. «Fujitsu» занимается развитием беспроводной микроволновой связи на Западном Урале, а «Rostelecom/Global Star» создает совместную венчурную компанию («Globaltel») для развития спутниковой связи к 2002 г. В противовес увеличивающемуся отставанию традиционной телекоммуникационной инфраструктуры в 90-е годы в России ускоренными темпами рос рынок сотовой связи, несмотря на высокую цену сотового телефона (2,5 тыс. долл. в 1997 г.). Правда, общее количество сотовых телефонов составляло в 1996 г. лишь 200 тыс. (по сравнению с 6 тыс. в 1992 г.). На рубеже веков эта цифра может увеличиться до 1 млн, т. е. потребители этих услуг, представляя лишь малую долю населения страны, способны составить динамичную и предприимчивую основу новой рыночной экономики.

Что касается Интернета, то новаторское исследование Рогозински (4) показывает растущее в 90-е годы распространение этой системы по трем направлениям: частная компания «Relcom/Demos», образованная в годы перестройки и ставшая в 90-е годы основой очень широкой коммерческой сети; академические сети, сформированные вокруг Академии наук и университетов, впоследствии в какой-то мере поддержанные иностранными фондами; альтернативная сеть, связанная с глобальной сетью Fido-Net и имеющая свободный доступ к Интернету. В совокупности к 1997 г. насчитывалось 1,2 млн пользователей Интернета, среди которых преобладали жители крупных городов: 99 % пользователей проживали в городах, а 70 % из них — в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Оценки темпов распространения Интернета в России противоречивы. Так, согласно источникам, обобщенным Рогозински, в 1996—1997 гг. в России ежегодный рост подключения к Интернету составлял 16 %, тогда как в мире — 80—100 %. Другие же источники указывают существенно более низкие

или более высокие показатели*. Но в любом случае, мы думаем, что справедливо оценивать доступ к Интернету в России как ограниченный и высокоселективный.

Если распространение и использование новых информационных технологий в России довольно ограничены и возрастают более низкими темпами, чем в остальном индустриальном мире, то производственная ситуация еще хуже. Уровень электронной промышленности России значительно отставал от технологического уровня США, Европы и Азии еще в 80-е годы. В 90-е годы отставание стало просто катастрофическим. Проблема укоренена в отсталости Советского Союза в информационно-технологических отраслях. В рамках исследования, проведенного М. Кастельсом в 1991—1993 гг. на микроэлектронных предприятиях Зеленограда (советская «Силиконовая долина» недалеко от Москвы), мы могли наблюдать отсутствие утонченности в изделиях и процессах, несмотря на высокий уровень ученых и инженеров (5). К примеру, на большинстве предприятий предельной возможностью было изготовление чипов в три микрона; «чистые цеха» были настолько пыльными, что более 30 % произведенных чипов оказывались негодными по причине загрязнения. Согласно данным 1990 и 1991 гг., советские компьютеры в лидирующих исследовательских центрах институтов Академии наук сибирского Академгородка по своему техническому уровню отставали от американских по меньшей мере на 10 лет, несмотря на научный паритет 1960-х годов.

Причина советского отставания информационной технологии лежит в структуре советской системы, что сводится к трем аспектам (5): полное доминирование военных интересов; последующая изоляция советской промышленности от технологических поставок и обменов с остальным миром; ограниченное распространение технологических знаний и информации на гражданские отрасли и общество в целом. В результате, когда в 90-е годы российские военные рынки сократились, технологическое отставание не дало возможности российским микроэлектронным и компьютерным фирмам конкурировать с иностранными компаниями как на внешнем, так и на внутреннем рынках. В стоимостном выражении производство чипов в России снизилось с почти 1,5 млрд долл. в 1989 г. до невероятной отметки в 385 млн долл. в 1995 г. Наиболее передо-

* Оценки распространения в России Интернета варьируются существенно в зависимости от источника. Данные Рогозински находятся между двумя полюсами. С одной стороны, в 1997 г. иностранное бюро информационного обслуживания (Foreign Broadcast Information Service), будучи отделением американского Central Intelligence Agency, оценило количество компьютеров в России, связанных с Интернетом, в 20 тыс. С другой стороны, согласно обследованиям, проведенным российским Интернет-провайдером и опубликованным довольно надежным источником («Экономика и жизнь — Сибирь». 1998. Апрель. № 73), к марту 1998 г. в стране было 200 тыс. компьютеров, подсоединенных к Интернету, что вдвое превышает показатель зимы 1997 г. Подобный темп распространения (около 100 % ежегодного роста) соответствует темпу в остальном мире, что превышает оценки темпа распространения Рогозински. Последнее обследование, проведенное 5—8 октября 1998 г., показало, что российский финансовый кризис существенно не замедлил распространения Интернета: количество подключенных компьютеров возросло до 238 887, в том числе 16 637 пользователей, имеющих собственные Интернет-адреса. Данное расхождение и наша неспособность оценить различные методологии, используемые в различных обследованиях, делает невозможным принятие выводов. Однако, как нам кажется, несмотря на технологическое отставание России и экономические трудности, число россиян, локально и глобально связанных через Интернет, действительно становится все больше. Более того, российские сайты совершенствуют свое содержание, охват и качество информации, которую они предлагают.

вые области индустрии были разорены: из 140 предприятий, производивших в 1990 г. микроэлектронику, к 1995 г. 130 оказались закрытыми. На оставшихся 10 предприятиях издержки производства увеличились на 4000 %. Эти компании вместе с несколькими производителями телекоммуникационного оборудования едва выживали в середине 1990-х годов как субконтрактные партнеры низкотехнологичных азиатских фирм, производящих игрушки и часы.

Когда в 1996 г. М. Кастельс повторно интервьюировал инженеров лидирующего микроэлектронного предприятия Зеленограда, знакомство с которым состоялось в 1992 г., то выяснилось, что 50 % предприятия переведено на выпуск шампуня. Наиболее технологически передовое предприятие Зеленограда, сохранившее возможность выпускать микроэлектронику — «Микрон» — превратилось в совместное предприятие с «Hua Ko Electronics», фирмой из Гонконга, скупившей 50 % акций «Микрона» за 18 млн долл. Таким образом, наиболее прибыльным бизнесом в Зеленограде стала продажа мощностей и акций иностранным инвесторам. Впрочем, и это удавалось немногим.

Примером, объясняющим эту ситуацию, является история с ростом и падением компьютерного предприятия в Зеленограде, выпускающего IBM PC. В 1993 г. началось сотрудничество компании «IBM» и бывшего военного электронного предприятия «Квант» по ежемесячному выпуску 40 тыс. персональных компьютеров для российского рынка в условиях договоренности с российским правительством об освобождении «IBM-Квант» от налогов на импортируемые компоненты. Это было весьма существенно, поскольку в России надежного поставщика аналогичных компонентов не было. Предприятие имело коммерческий успех. В 1995 г. россияне приобрели около 1 млн персональных компьютеров, 40 % которых поставляла «IBM». На «IBM-Квант» была занята тысяча работников, годовая продукция оценивалась в 960 млн долл. Затем российский парламент принял закон, отменявший налоговые льготы на импортируемые компоненты (они составляли 8,5 % себестоимости конечного продукта). «IBM» стало все труднее конкурировать с российскими торговыми компаниями, импортирующими персональные компьютеры преимущественно из Китая и Юго-Восточной Азии, где продолжали действовать налоговые льготы. Такая ситуация была продуктом законотворческой деятельности как результата мощного лоббирования в Государственной думе интересов импортирующих/экспортирующих компаний. 27 февраля 1996 г. «IBM» приостановила сборку персональных компьютеров в Зеленограде. Большинство рабочих вновь оказались без дела, поскольку завод был переведен на ремонт и обслуживание компьютеров фирмы «IBM», импортируемых в Россию. Производство остановилось. Чтобы выжить, «Квант» осуществил резкую диверсификацию своей деятельности. Например, в 1997 г. одно из подразделений «Кванта» работало в следующих направлениях: разработка схемы чипов для западной компании, развитие параллельной компьютерной системы для внутреннего заказчика, проведение маркетинговых проектов.

Не имея доступа к технологиям, оборудованию, поставкам и ноу-хау, российское электронное предприятие зачастую становилось низкоуровневым звеном низкотехнологичных азиатских производителей или, в лучшем случае, на условиях субконтракта решало специфическую задачу для западных фирм. Исключения составляли немногочисленные предприятия, продолжавшие ра-

ботать на Министерство обороны на базе импортных компонентов и иностранных технологий, полученных по лицензии или посредством копирования аналогов. Завершая обзор состояния компьютерного рынка России, Уолкотт и Дороевич делают вывод: «Как только волны реформ омыли Россию, развиваемые еще с советских времен предприятия, подобно производителям компьютеров, были практически сметены. Спрос на системы отечественного производства сошел на нет, серийное производство прекратилось, крупномасштабные системы уподобились тому, что было пять или десять лет назад. В таких обстоятельствах, типичных для многих предприятий высокотехнологичных отраслей, резонно задать вопрос: в какой форме (если таковая вообще существует) эти предприятия могут выжить, сохранить свой научный персонал и вписаться во внутренние и глобальные индустриальные и научные сообщества?» (6).

Коллапс гражданских предприятий, производящих микроэлектронику, компьютеры и телекоммуникации, имеет для России далеко идущие последствия. Во-первых, новая российская экономика становится полностью зависимой от импорта в создании передовой технологической инфраструктуры. Во-вторых, ограничиваются возможности разработки промышленных ноу-хау, что давало бы российским фирмам шанс развиваться благодаря включению в сети производителей электроники. Это не отрицает возможность иностранных поставок в Россию, но делает их несвязанными с российской индустриальной средой, что блокирует возможность и заинтересованность производителей в России. В-третьих, полная зависимость России, все еще остающейся ядерной супердержавой, от иностранных поставок техники и ноу-хау для создания передовых электронных и коммуникационных технологий, ставит под сомнение ее способность вновь стать надежным субъектом военных переговоров и уменьшить ее милитаристскую склонность к необдуманному использованию ядерного оружия.

Таким образом, инфраструктура России и ее возможности в области информационно-коммуникационных технологий не соответствуют ни высокому образовательному и культурному статусу России, ни ее геополитической и потенциальной экономической роли в международной системе. Тем не менее можно засвидетельствовать возникновение сетевого общества, характеризующего социальную инфраструктуру информационной эпохи. Заметим, процесс социальных изменений не является прямым следствием действия технологических сил. Мы считаем этот вывод оправданным, поскольку, с одной стороны, реально наблюдается быстрое распространение новых информационных технологий в определенных регионах, среди определенных сегментов населения и в определенных областях деятельности, включая Интернет. И хотя это явление непосредственно затрагивает только малую часть россиян и экономических процессов, это меньшинство может служить динамичным ядром нового общества. С другой стороны, Россия уже сейчас связана с глобальными сетями капитала, торговли, технологии и информации, и эти связи работают на основе новой технологической инфраструктуры. Соответственно для релевантного понимания России как сетевого общества мы должны отойти от описательного комментария технологических процессов и перейти к анализу возникновения новой экономики, нового общества и новой институциональной системы.

Трансформационные экономические сети: примитивное накопление, фрагментарная глобализация и локальное выживание

Суждение о том, что в России формируется чрезвычайно специфичная форма рыночной экономики, хорошо известно (7, 8). Определим главные черты этого процесса как основы для решения поднимаемых далее аналитических вопросов. По оценкам С. Шенфилда из Brown University, с 1989 г. по 1997 г. ВВП России сократился на 45 %, реальные капиталовложения — на 92 %, нефтепереработка — на 50 %, при этом реальная заработная плата снизилась за 1991—1997 гг. на 78 %. В 1997 г. две трети наемных работников получали зарплату или не полностью или не вовремя. Удар по жизненному уровню может быть оценен в терминах здоровья: 40 % населения страдают от недоедания, 40 % детей хронически больны и 60 % испытывают недостаток витаминов; 2 млн человек инфицированы туберкулезом; число больных сифилисом увеличилось от 8 тыс. человек в 1990 г. до 450 тыс. в 1997 г. (9). В 1998 г. социальная ситуация еще более ухудшилась. В «Известиях» от 16 октября 1998 г. были приведены слова В. Линника, председателя думского комитета по труду и социальной политике, о том, что более 40 % россиян находятся за чертой бедности. Минимальная заработная плата и пенсии были менее 6 долл. в месяц, тогда как среднемесячная зарплата составляла 60 долл., а среднемесячная пенсия — 25 долл. В стране насчитывалось 15 млн безработных, реально неработающих было еще больше — из 75 млн трудоспособных лишь 40 млн реально работали в формальной экономике. При том, что подавляющее большинство населения могло рассчитывать на социальные льготы и дотации, их получали очень немногие (10). Характеризуя социальные анклавы, программа новостей ОРТ привела информацию о ситуации в российских тюрьмах, где заключенные платят носителям туберкулеза, чтобы заразиться от них. Целью является перевод в госпиталь с приемлемым питанием. Более того, заключенные отказываются от лечения, чтобы остаться в госпитале как можно дольше.

Для тех, кто еще сомневаются в крахе свободного капитализма в России и верят в то, что социальные издержки оплатили постепенную стабилизацию макроэкономических параметров, включая контроль над инфляцией, отметим, что эта видимость стабилизации была утеряна в течение нескольких недель в результате разорительного валютно-финансового кризиса августа—октября 1998 г., имевшего чудовищные последствия: откат к негативным темпам роста, всплеск инфляции, отток иностранных инвестиций, коллапс российского фондового рынка, сложность с выплатой долгов по международным займам как частным, так и государственным кредиторам, сокращение внутреннего рынка, «бегство» капитала, снижение внутренних частных сбережений и инвестиций. Таким образом, после шести лет ограничительной экономической политики российская экономика не смогла выдержать удара, вызванного финансовой зависимостью и внутренней политической нестабильностью.

Чтобы объяснить этот экстраординарный провал, надо обратиться прежде всего к поразительному успеху российских олигархов. Доминирующей чертой экономической трансформации России явились варварское накопление капи-

тала, перевод активов общественного сектора экономики (всех активов России) из государственной собственности в частную с последующей защитой интересов новых олигархов путем как попустительства при сборе налогов и регулировании международных потоков капитала, так и терпимостью к ненадежности банковских операций. Примеры варварского накопления: эксклюзивная недвижимость в Москве, «Норильский никель», «Газпром», судостроительное предприятие в Санкт-Петербурге (чубайсовский фаворитизм).

В итоге в России возникло семь крупнейших конгломератов с мегабанком в ядре каждого из них, контролирующих примерно половину российской экономики. Фактически им принадлежало все, что имело какую-либо денежную ценность. Этот пул олигархического капитализма прочно связан с глобальной экономикой. Входящие в него компании действовали как проводники большей части иностранных инвестиций в России. Инвесторы, молодые авантюристы-капиталисты, многие из которых являются американцами русского происхождения, были связаны с этими олигархическими группами, примером чего служит «Ренессанс МКФ Инвестиционный банк». Но более важно то, что российские банки и крупные компании начали переводить средства на счета иностранных банков. В 1992—1997 гг. соответствующие суммы оценивались в 75—300 млрд долл. (11). Это представляет собой явный контраст с менее чем 12 млрд долл. иностранных инвестиций, поступивших в Россию за тот же период. По данным Business Week, частные домохозяйства, обжегшись на нескольких девальвациях и банкротствах, заняли оборонную позицию: 40 млрд наличных долл. спрятано у населения под матрасами на черный день. Это решение можно считать вполне благоразумным с учетом событий 1998 г. Но это также означает сбой функциональной связи между сбережениями и инвестициями, поскольку 40 млрд долл. не инвестированы в реальную экономику, а вложены в казначейство США. Положение усугубилось падением цен на нефть, служившей основным источником твердой валюты для России.

В условиях скудных налоговых поступлений и коллапса экономики федеральное правительство становится международным нищим, серьезно задолжавшим как собственным гражданам, так и кредиторам. Во-первых, в течение 1995—1998 гг. Международный валютный фонд выделял России в среднем 430 млн долл. ежемесячно, вдохновляя российское правительство на дополнительные займы у общественных международных институтов, правительств и частных банков на десятки млрд долл.: учитывая общественные и частные источники, только Германия одолжила России в 90-е годы около 30 млрд долл. Во-вторых, российское правительство систематически задерживало или не выплачивало зарплаты и пенсии в общественном секторе и на государственных предприятиях. В-третьих, правительство решало многие финансовые проблемы с помощью депозитных сертификатов, печально известных облигаций ГКО, под очень высокие проценты, составлявшие в среднем 35 % годовых. Поступая подобным образом, правительство отвлекало с рынка инвесторов заемные средства, которые при другом раскладе могли бы обратиться в производственные инвестиции. Кроме того, правительство пошло на создание финансовой пирамиды, растущие поступления от которой должны были использоваться для выплат процентов. Так продолжалось вплоть до 1998 г., когда стала очевидной неплатежеспособность правительства и необходимость реструктурирования долгов в долговременные облигации.

Экономика фактически перешла в режим выживания в самых нетрадиционных формах. Около 40 % взаимодействий приходится на бартер. Компании образовали чрезвычайно широкие бартерные сети, поддерживающие фабрики в работающем состоянии. Например, одна из таких бартерных сетей, описанных в «The New York Times» (12), была создана фабрикой «Сплав» из Новгорода. Не имея возможности рыночной реализации своей продукции, «Сплав» приступил к бартерному бизнесу, налаживая связи и устанавливая детализированные соглашения с другими компаниями России и бывших советских республик. Бартерные соглашения со временем по мере включения в сети новых компаний и новых продуктов меняются.

В конечном счете экономика реконструируется вокруг паутины горизонтальных связей, выходящих время от времени на денежные продажи посредством налаженного доступа к товарам, пользующимся спросом на денежном рынке. Подобные деловые сети принципиально отличны от тех сетей, существующих в полностью монетаризованной рыночной экономике. Они организованы не на основе принципа дополнителности продуктов, экономии на масштабе производства или размахе операций, а на базе явных оппортунистических связей. Обмен одних товаров и услуг на другие становится способом включения в цепочки взаимодействий. Но вне этих сетевых возможностей компании, дающие работу тысячам и тысячам рабочих по всей России, просто не имели бы шансов выжить. Хотя эти сети не очень продуктивны с традиционной экономической точки зрения, вряд ли может быть что-либо более продуктивное для предприятия, выбирающего между жизнью и смертью.

Одновременно неформальная «экономика киосков» обеспечивала гибкую адаптацию к нуждам и кошелькам потребителей, несмотря на то обстоятельство, что цены оказались опутанными паутиной местных и этнических мафий.

Легион коммерческих и финансовых посредников, сопровождаемый шлейфом сервисных служб, включая службу безопасности, гостиничный и развлекательный бизнес, выросли как грибы на базе посреднических операций, осуществляемых между общественным сектором и новыми олигархами, между доминирующими секторами российской экономики и глобальным капитализмом.

Таким образом, вряд ли можно говорить о наличии в России информационной экономики. Знания и информация (за исключением специфических знаний собственно торговли) не являются источником продуктивности и конкурентоспособности российской экономики, если только не брать в расчет элементарную грамотность в проведении международных сделок и способность придумывать дерзкие спекулятивные схемы. Это экономика, основанная на грубом контроле за доступом к ресурсам и принятию административного решения. Контроль находится в руках небольшой группы магнатов, борьба между которыми стихает лишь тогда, когда от них требуются совместные действия для поддержания власти, действующей в их интересах. Так, они спасли выборы Ельцина в 1996 г. от неожиданно сильной конкуренции коммунистов. И все же это действительно процесс глобализации. При отсутствии доверия к российской валюте только выход на международную арену мог превратить дикое накопление в виде бывших активов общественного сектора экономики России в прибыльное мероприятие. Таким образом, господствующее ядро является полностью глобализованным, что касается и рынков (экспорта и импорта), и

деловых альянсов, и информации о глобальных финансовых возможностях, и распродажи акций по всему миру, и размещения вырученных средств. Кроме того, это служит единственной возможностью защиты государства, охраняемого международным сообществом в лице МВФ, в силу стремления к геополитической стабильности.

Однако эта система олигархического капитализма подверглась серьезному удару в сентябре—октябре 1998 г. Столкнувшись с перспективой тщательных финансовых и фискальных проверок, Б.А. Березовский и его союзники спровоцировали политический кризис, рассчитывая на слабость власти Ельцина. Но кризис вышел из-под их контроля как в политической, так и в экономической области, усугубив тем самым кризис финансовый и приведя к тяжелым потерям для всех, включая олигархов. Более того, их политический контроль стал все более неопределенным ввиду усиления Государственной думы, дезинтеграции ельцинского окружения, укрепления региональных властей и отклонения Думой кандидатуры В.С. Черномырдина, человека, пользующегося доверием финансовой олигархии. В России могло начаться перераспределение богатства и власти между различными олигархическими группами (13). Однако, несмотря на рост и падение влияния магнатов, их относительные шансы на прибыль по-прежнему зависели от действий, предполагающих одновременное обладание как международными, так и российскими активами. Магнатов характеризуют две черты — их дом в России, но их амбиции глобальны.

Итак, ядро российской экономики является в значительной степени глобализированным из-за включенности в сети капитала, управления, торговли и межкорпорационных связей. Вместе с тем для большинства видов деятельности и подавляющей части населения России глобализация ограничена доступом к потребительским товарам, распространяемым многочисленными киосками. Основное и социально значимое исключение составляет заметный размер профессионального среднего класса в главных городах, который возник в сфере обслуживания и посреднических операций вокруг глобализированного ядра экономики. Мы еще вернемся к этой чрезвычайно важной особенности российского общества, пока же ограничимся замечанием, что с экономической точки зрения их существование зависит от экспансии глобализированного олигархического сектора, возникшего в процессе приватизации и глобальных связей.

Третьей характеристикой сетевой экономики со всей очевидностью является ее организация вокруг сетей кооперации, производства, распределения и управления. Эта черта стала абсолютно определяющей в новой российской экономике, ключевым элементом в обеспечении динамизма олигархического ядра, в стратегиях выживания большинства вовлеченных в неформальную экономику, а также в бартерной экономике. Крупные конгломераты выработали гибкую внутреннюю сетевую структуру, очень похожую на то, что практикуют в Японии. Они также организовали свою деятельность вокруг совместных проектов и поставленной задачи, аккумулируя ресурсы и влияние для их выполнения (например, совместными усилиями стремясь присвоить приватизированные активы, контролировать телекоммуникации в данном регионе или на данном направлении бизнеса), с последующим распадом связей по мере достижения целей и созданием новых альянсов вокруг вновь организованного бизнес-проекта. Такая сетевая логика объясняет, почему жесточайшая конкуренция между

магнатами идет рука об руку с их попыткой как группы контролировать экономику и правительство.

Ирония ситуации заключается в том, что олигархическая властная система в России крайне напоминает традиционную карикатуру на государственно-монополистический капитализм, приписываемый коммунистической мифологией западному миру. Сетевая организация в значительной степени объясняет многообразие и динамизм городской неформальной экономики, которая обеспечивает потребителей и создает рабочие места повсюду в России, избегая при этом огромных расходов. Сети, взаимные расчеты, строящиеся на основе доверия, являются стовым хребтом бартерной экономики, позволяющей выжить общественному сектору и неприбыльным, но все еще необходимым государственным предприятиям. Некоторые из таких сетей нуждаются в информационных и коммуникационных технологиях и используют их.

Подобная сетевая структура свойственна не только деловому сегменту, включенному в глобальные процессы, но и разнообразным мафиям, а также мелким торговцам, связывающимся посредством сотовых телефонов и извлекающим прибыль из контрабандной торговли. Неформальные сети, бывшие главной чертой советской теневой экономики, расцвели пышным цветом, пронизывая собой целый спектр деятельности в рамках новой экономики, помогая как выражению интересов олигархического сектора, так и выживанию людей с помощью мелкой торговли. Образование сетей является фундаментальной характеристикой новой российской экономики, хотя их проявления довольно неприглядны, поскольку характеризуются спекуляцией, фискальным мошенничеством и раздвоением между заработками и инвестициями: заработки привязаны к конкретной местности, инвестиции же преимущественно глобальны.

Пространство, время и общество в замкнутом круге в России

Наиболее важные исторические трансформации характеризуются социальным реконструированием пространства и времени как фундаментальных категорий нашего бытия. Это относится ко всем обществам, но особенно верно применительно к России в силу приверженности российских правителей утверждать свой контроль над обществом, изменяя декретами время и пространство. Вспомним грандиозное насилие Петра Великого, который ввел юлианский календарь, переведя часы на несколько тысячелетий назад и на несколько месяцев вперед, тем самым приближая Россию к Западу. Маниакальным было его упорство в разработке детализированных личных расписаний дня (хронологическое время) и в указах относительно распределения времени каждого россиянина между службой государству, господам и Господу. Или большевистская очарованность революционным временем в соответствии с фундаменталистским образом Великой французской революции, устранение семидневной рабочей недели, разбиение жизни на пятилетние планы и последующее ускорение времени выполнением пятилетних планов за четыре года, а трудовой нагрузки шестидневной недели — за пять дней.

В дальнейшем единственно оцениваемым временным горизонтом было историческое достижение коммунизма, так что сегодняшней день трудящихся приобретал смысл лишь в будущей славе, но не их детей, а трансформирован-

ного человека, человека советского. Устремленность в будущее вела к тому, что настоящее было организовано вокруг времени, но вокруг московского времени: расписание поездов, самолетов и радиопрограмм составлялось по московскому времени, а всю территорию поделили на временные зоны, следуя при этом не движению солнца, а необоснованным бюрократическим измышлениям. Таким образом, подчинив время, центристская советская власть подчинила себе пространство. Ограниченность жизни людей местом их проживания и советской территорией посредством прописки и запрета на выезд за рубеж привела к тому, что жизнь каждого человека в конечном счете была замурована в политическую конструкцию, в которой доминировало время, подчинившее себе пространство.

Эта пространственно-временная организация жизни в России изменяется, но асимметрично для разных групп людей и разных местностей. Господствующие группы в России вступают в пространство потоков, где отсутствует время как таковое, что характеризует сетевое общество. Подавляющее же большинство населения, а также городов, регионов и деревень все еще живут в пространстве мест, темп в которых задается хронологическим и биологическим временем. Но наиболее важная трансформация заключается в возврате к доминированию пространства над временем (пространство жизнедеятельности было организовано вокруг исторического горизонта коммунистической утопии, так что настоящее было лишь шагом в цепи predetermined исторического развития). Наша позиция сводится к следующему: в посткоммунистической России пространство подчиняет себе время, как это случается повсюду в мире, когда формируется сетевое общество.

В русской литературе, искусстве, музыке, философии и геополитике всегда делался акцент на изначальном факте: необъятность российской территории, нескончаемый пейзаж, громадные расстояния, вмещающие континенты, океаны, моря, горы, реки, озера, леса и бесконечную череду всех климатов. Мы никогда не должны забывать эту особенность, порой игнорируемую сверхрациональными аналитическими схемами, неспособными улавливать смысл фундаментальных характеристик только потому, что они кажутся излишне очевидными. В силу того, что громадность российской земли всегда была вызовом любому правителю, контроль над пространством одновременно означал контроль над людьми и таким образом вся социальная и политическая организация сводилась к непреклонной решимости подчинить пространство и управлять всем из центра.

Парадоксально, но новая социально-экономическая система, характеризующаяся сетевым обществом и глобальной экономикой, освобождает российские элиты от этого бремени: они могут не нуждаться в контроле над всем российским пространством при утверждении своего господства и извлечении доходов. Ключевым фактором аккумуляции богатства, наслаждения потреблением и удержания власти является способность устанавливать связи с глобальной системой, что вполне может быть сделано на базе немногих узлов российской экономики, управляемых из немногочисленных городских центров. Из этих центров малочисленная, но богатая и властная олигархия и обслуживающие ее профессиональные группы могут распоряжаться источниками ценной энергии и природными ресурсами, залегающими по всей территории и все еще представляющими основное богатство России. Глобализированное ядро новых рос-

сийских правителей устанавливает из этих узловых центров связи со значительно более мелкими элитами, равномерно распределенными в немногих городских центрах, главным образом в Европейской части России, а также в Екатеринбурге, Новосибирске, Тюмени, Томске, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке.

В Москве и Санкт-Петербурге новый класс профессионалов, управляя связями с глобальной экономикой, осуществляя их сервисное обслуживание и контролируя развитие частного бизнеса, образует местные гражданские общества, живущие в новой информационной эпохе. Более мелкие сегменты профессионального среднего класса совместно с многообещающей группой самоинициативных предпринимателей бурно развиваются на развалинах советской системы в крупных городских центрах Евразийского континента. Весь этот мир «новых русских» связан торговлей, телекоммуникациями, компьютерами, самолетами, теле- и радиопрограммами, музыкой и общими источниками информации, (например, газета «Коммерсант»), а также общими надеждами, мечтами и тревогами. Новые технологии и сетевая логика глобальной, информационной экономики позволяют впервые связать воедино все ценное в России (нефтяные и газовые месторождения, алмазные копи, золотоносные жилы, никель, редкие металлы и леса), исключая из этих связей все и всех, не обладающих ценностью ни как производитель, ни как потребитель, не смотря на их страстное желание быть включенными в эти сети.

Очевидной проблемой становится осуществление политического контроля над «остальным населением», т. е. над подавляющим большинством россиян. Этот контроль, с одной стороны, переходит на уровень местных/региональных политических элит, которые получают некоторую поддержку центра на условиях сохранения спокойствия среди местного населения. С другой стороны, отсутствие политических альтернатив и глубоко укорененный скептицизм большинства людей после двойного предательства «революцией» и «демократами» оставляют им небогатый выбор действий помимо использования своей энергии на реализацию стратегий выживания.

Таким образом, российское пространство оказалось разорванным и переструктурированным между сетями динамичных городских ядер, в конечном счете связанных с глобальной экономикой, и огромной территорией внутри и вокруг городов, но главным образом в сельской местности и провинции, которые, будучи локализованными и сегментированными, обратились к своим собственным местным/региональным стратегиям выживания, тем самым спасаясь в своей маргинальности.

Неконституционный, но повсюду де-факто сохраняющийся режим прописки продолжает закреплять людей на местах, если они не могут купить прописку в другом месте (7 тыс. долл. в Москве в 1997 г.). Соответственно сегментация пространства, унификация доминантных фигур и функций в пространстве потоков и фрагментация, маргинализация большинства населения в разрозненных местностях по всей необъятной российской территории являются фундаментальными характеристиками нового российского общества. Огромность российской земли ныне переопределяется вариативной геометрией коммуникаций и коммуникационных узлов, в результате чего некоторые местности устанавливают связи с новым миром, тогда как другие дистанцированы более чем когда-либо — даже созерцая образы и слушая звуки новой эры, к которой

они не принадлежат. Время имеет разную ценность и разный темп в этих двух различных пространствах.

Новый профессиональный класс Москвы стремится как можно больше сделать за 24 часа, тем самым отрицая временные ограничения. Компании предлагают бонусы за удлиненный рабочий день, за готовность быть вызванными по телефонному звонку, соглашаясь на оплату частного транспорта, лишь бы заполучить наиболее ценных работников на их рабочих местах пораньше. Это связано с тем, что такие служащие способны ускорить транзакции, обеспечить более быстрый оборот денег (ключевой фактор роста прибыли в электронных финансовых схемах) и более сложные сетевые взаимодействия как в России, так и в мире. Жизнь этих сотен тысяч людей, а также миллионов, которые полагаются на их действия, зависит от судьбы их инвестиций в глобальные финансовые рынки, где время уничтожено движением капитала из одной временной зоны в другую, из одной валюты в другую, из одних акций в другие. Кроме того, время вычлняется из абстрактных категорий и продается на аукционах в виде будущих контрактов, грядущих опций и других новых финансовых продуктов, что определяет ценность депоследовательного времени — будущее становится потенциальной стоимостью подобно товару в настоящем. Для этого мира нового российского бизнеса исчезает временной горизонт. Здесь существует лишь настоящее, причем не только в работе, но и в жизни. Политическая нестабильность, экономическая непредсказуемость и расплывчатость социальных смыслов во всем, что выходит за рамки личной жизни, превращают каждодневный опыт в единственный стандарт, на основании которого судят о прогрессе, — таково коллективное бессознательное мщение прошлой советской модели жертвования настоящим ради будущей земли обетованной.

Для значительного большинства людей, укорененных в пространстве мест, время имеет другое значение и намного более медленный темп. Конечно, они тоже весь день спешат, особенно женщины, пытаясь совместить работу, дом, детей, семью и еще найти минутку для себя. Но они используют время, свое время, как основной ресурс для решения проблемы выживания, тратя его на поиск наиболее дешевых покупок; на поездки в более отдаленные районы, чтобы найти работу или более дешевое жилье; на посадку, обработку и сбор драгоценного урожая, востребованного зимой. Деление времени на сезоны становится абсолютно решающим, и темп жизни задается движением солнца. Крупные государственные предприятия отправляют людей «в отпуска», не увольняя их, когда фонды оказываются истощенными или переведенными на счета в иностранные банки. Иначе говоря, предприятия расплачиваются с работниками временем, и время становится единственным нелимитированным товаром, позволяющим изобретать новые стратегии выживания. Что касается растущей массы досрочных пенсионеров, то все их время свободно, однако при скудной пенсии они также должны использовать его для реализации стратегии выживания, наводняя киосковую экономику и улицы городов по всей России.

В конечном счете временной предел является биологическим, поскольку тяготы переходного периода отражаются в болезнях и смертности. Продолжительность жизни мужчин в России сократилась с 65 лет в 1987 г. до 58,3 лет в 1995 г. (беспрецедентное падение в современной истории). Согласно данным Всемирного банка, Россия по продолжительности жизни заняла в 1995 г. 136 место из 188. (Нужно сказать, что продолжительность жизни мужчин не-

сколько возросла в последующие три года, но экономический кризис 1998 г. может вернуть ситуацию к прежнему уровню.) Биологическое время урезается также и по другой причине: рождаемость в России сократилась с 2,2 в 1987 г. до 1,4 в 1995 г. Из-за роста смертности и падения рождаемости население России сокращается, теряя 160 тыс. человек в год, и если эти тенденции сохранятся, то к 2020 г. россиян будет менее 135 млн. Таким образом, биологическое время, рассчитываемое как общее время жизни, отмеряемое жизнью и смертью, по-новому определяет понятие бытия, семейную структуру и будущее личное обустройство России как целого, но это специфическое, драматическое воздействие на большинство населения, выключенного из динамичного пространства потоков.

Можно сказать, ято то, где люди живут, в значительной степени определяет, как они живут и как долго они будут жить. Пространство структурирует время. Пространство потоков определяет содержание жизни/времени в пространстве мест, поскольку принадлежность или выключенность из сетей означает различную стоимость проживаемого времени. Парадокс состоит в том, что те, чье время имеет высокую ценность, стараются уничтожить его неистовыми попытками выжимания из него последней капли денежной стоимости. Те же, чье время не имеет ценности с точки зрения системы, используют его как единственный ресурс как для выживания, так и для жизни, что означает большую степень личного контроля над своим временем, т. е. над своей жизнью. В итоге, мы являемся свидетелями исторической отмены: история исчезла, настоящее является единственным временем. Прежде время истории, время производства являлось источником организации и контроля пространства. Теперь же существует новое пространство, пространство потоков, пространство, переопределяющее понятие расстояния в России и устанавливающее различные временные режимы для жителей двух форм пространства, что структурирует жизнь в параллельных универсумах. Жизненные практики людей, живущих в этих двух пространственно-временных режимах, становятся все более различными и даже несоприкасающимися, поскольку они протекают в различных измерениях социального гиперпространства.

Культура реальной виртуальности и российская культура

Предворя анализ советских политических плакатов, в своей замечательной книге Виктория Боннелл пишет: «Главным вопросом, стоявшим перед большевиками в 1917 г., был не просто захват власти, но захват смысла» (14). Действительно, в этом смысле русская революция была культурной революцией, нацеленной на мысли людей, причем не только относящиеся к развитию производительных сил. Представляется, что новая русская революция, разрушившая советскую систему и запустившая переход к капитализму и демократии, также приводит к изменению культурных кодов. Однако изображения этого времени, омываемые беспрецедентной в человеческой истории волной коммуникационных технологий, оказались погруженными в виртуальный язык аудиовизуального мира (15). Кроме того, при таких обстоятельствах коды затуманены, их смыслы искажены и процесс культурного изменения становится подобен лоскутному одеялу противоречивых выражений. Это контрастирует с

определенностью и единомыслием официальной идеологии, которая характеризовала общественные представления на протяжении советской истории. Остановимся на этой предварительной гипотезе.

Две идеи доминировали в антисоветской политической коалиции в конце 80 — начале 90-х годов. Первой идеей был отказ от коммунизма, отрицание марксизма-ленинизма и соответственно всех бывших пропагандистских образов. Вторая идея, развиваемая после 1991 г., сводилась к упованию на рынок как средство индивидуальной свободы и процветания. В культурной сфере прямое провозглашение отказа от коммунизма означало информационную свободу, особенно в средствах массовой информации. Любой, кто был в России в 1989—1991 гг., отчетливо помнит решающую роль телевизионных программ, таких, как «Взгляд» В. Листьева и «600 секунд» А. Невзорова, в либерализации советского образа мыслей. Важнее прямых политических заявлений и информации было то, что эти программы разбивали вдребезги идеологический официоз, служили зримым доказательством того, что наступила новая эра, эра информации. С. Шэйн в интересном журналистском репортаже отметил, что существенное значение в кризисе советской системы имела либерализация информации (16).

Однако при отчетливой политической ориентированности новых средств массовой информации, унаследованной от советской идеологии, само по себе это не обеспечивало возникновения новой идеологии. Скорее, был представлен широкий спектр образов, идей, опытов со всего мира, что в совокупности создавало новую культурную среду. Внезапно советские граждане смогли увидеть мир. И их реакция была похожа на шок, переживаемый теми, кому посчастливилось в прошлые времена достаточно попутешествовать за пределами социалистического мира. По мнению Шэйна: «... То, что завладело воображением россиян, была “хорошая жизнь”, что молодые россияне называли “кайфом”, — гибкое сленговое слово, буквально означающее волну алкогольного опьянения, но также и метафору для обозначения приятных времяпрепровождений в целом, удовольствия от хорошо проведенного времени. Чтобы иметь хорошую жизнь, вам нужно много денег» (16, С. 210—211). Другими словами, рыночная идеология пришла в Россию по двум каналам, не обязательно противоречащим друг другу в представлениях людей. С одной стороны, суровость высоких цен и бесконтрольная торговая спекуляция как реалии жизни. С другой стороны, благодаря телевидению — мир потребления, рекламы, неограниченных возможностей (при наличии денег). Новый медиамир с его ролевыми моделями, с его образцами жизненного стиля обеспечивал новые образы капитализма, особенно для молодых поколений. Впрочем, отношения между средствами массовой информации, бизнесом, населением и культурой являются более сложными, и Россия не является в этом смысле исключением.

Доступ населения к средствам массовой информации решительно изменился в 90-е годы. Существенно изменились и сами СМИ. С одной стороны, экономический кризис резко подействовал как на людей, так и на средства массовой информации. Для многих это означало, что, имея гораздо больший выбор информационных источников, они едва ли могли ими воспользоваться. Газеты и журналы в Советском Союзе полностью субсидировались, поэтому, если люди и не имели доступа к независимой политической информации, то основная масса других областей информации и культуры была доступна значи-

тельной части населения. В 90-е годы многие люди были загнаны в рамки аудио-визуального мира, поскольку печатная продукция стала слишком дорогой для подавляющего большинства потенциальных читателей. Радио и ТВ, тематика которых была гораздо разнообразнее, стали играть намного более решающую роль в формировании общественного мнения и культурных представлений.

С другой стороны, медиа-концерны не могли содержать себя. Распрошавшись с государственной поддержкой, они постепенно перешли под финансовый контроль властных бизнес-групп, позиционирующих себя в контроле над коммуникациями страны. Даже правительственные телевидение и радио все более зависят от рекламы и инвестиций бизнес-групп. Тенденция к фактическому бизнес-контролю над российскими средствами массовой информации усилилась после президентских выборов 1996 г. Как только Б.Н. Ельцин оказался на грани провала в ходе переизбрания и возникла угроза прихода к власти Г.А. Зюганова или А.И. Лебедева, основные финансовые группы обеспечили президенту решительную поддержку как деньгами, так и медиавлиянием, хотя многие журналисты и телеканалы по собственной воле поддержали Ельцина и выступили против Зюганова. Отчасти это было обусловлено страхом потерять свободу информации при коммунистическом президенте. Но это было также выражением политических и деловых предпочтений, побеждающих в среде медиафирм и самих журналистов.

В благодарность за услуги финансовых групп Ельцин даровал им привилегированный доступ к основным средствам массовой информации, контролируемым государством. Результатом подобных тенденций стало формирование в 1997—1998 гг. олигархического медиасектора, что означало контроль, осуществляемый различными финансовыми группами над ключевыми средствами массовой информации. Так, в январе 1997 г. была образована наиболее влиятельная в России частная медиаимперия «Медиа-Мост» под контролем «Мост-группы», руководимой магнатом В. Гусинским. Туда вошел частный национальный телеканал НТВ, созданный в 1993 г. и получивший право на всероссийскую трансляцию в 1996 г. Кроме НТВ, к «Медиа-Мост» относятся ведущая ежедневная информационная программа «Сегодня», созданная в 1993 г., влиятельная еженедельная телепрограмма «Итоги», радиостанция «Эхо Москвы», различные журналы и издательские дома. НТВ имеет 100 млн зрителей и идет по пути создания дополнительной платной спутниковой сети для избранной аудитории крупных городов. В 1998 г. «Медиа-Мост» начал создавать региональную телевизионную сеть (ТНТ-телесеть) с 70 коммерческими местными и региональными присоединенными радиостанциями. В дополнение к этому «НТВ-Профит» и «НТВ-Кино» запустили крупную программу реконструкции российских кинотеатров, закрепляя за собой решающую позицию в политике проката. В середине 1998 г. НТВ планировало запустить несколько спутников в 1999 г., наращивая тем самым мощности для построения сети 20 спутниковых телеканалов. Таким путем «Медиа-Мост» уже создал интегрированную систему средств массовой информации, где образы, звуки и сюжеты взаимосвязаны в исчерпывающем, еще (пока) диверсифицированном и децентрализованном гипертексте, который охватывает растущую часть российской аудитории.

Но НТВ — не единственное усилие по формированию новой российской иконографии. Группа Березовского «Логоваз» имеет значительную долю на правительственном телеканале ОРТ и в ряде крупнейших газет, включая «Незави-

симую газету». «Онэксимбанк» В. Потанина контролирует «Комсомольскую правду», «Русский телеграф» и «Известия» (две последние слились в конце 1998 г., пытаясь выжить при финансовом кризисе). Второй общественный телеканал (РТР), будучи государственным, фактически сильно зависим от частного рекламного агентства «Video International». Влиятельный деловой журнал «Коммерсант» находился, по крайней мере до 1997 г., в серьезной зависимости от займов банка «СБС-Агро». В эту деятельность влился и «Газпром». В декабре 1997 г. был создан «Газпром-Медиа», возглавляемый В. Илюшиным, бывшим в 1996—1997 гг. заместителем премьер-министра. Привнеся дополнительную сложность в расклад деловых интересов в области средств массовой информации, «Газпром» вошел в правление общественного канала ОРТ, приобретя в то же время 30 % долю частного НТВ. Используя сеть бывших нефтегазовых радиостанций в провинции, «Газпром» создал 20 телевизионных региональных станций. Компания также решила стать основным игроком в области спутникового телевидения с запуском в 1999 г. двух спутников («Ямал-200» и «Ямал-300»). Помимо этого «Газпром» является совладельцем или собственником около 100 газет и изданий, включая «Рабочую трибуну» и «Труд».

Городские и региональные средства массовой информации также находятся под прямым влиянием провинциальных или местных руководителей и их союзников от бизнеса. Наиболее показателен пример Ю. М. Лужкова, мэра Москвы, который контролирует «ТВ-Центр» посредством финансовых вливаний со стороны московской городской администрации. «ТВ-Центр» уже начал радиовещание на другие регионы и намеревается стать национальной сетью. Помимо «ТВ-Центр» городская администрация контролирует ежедневные газеты «Московский комсомолец» и «Россия», а также престижную еженедельную «Литературную газету». Лужков нацелен получить трансферт федерального правительства на фонды, поступающие в крупные издательства и газеты, что означает широкое распространение московской медиаимперии по всей России (17).

Каково же воздействие бизнес-контроля над средствами массовой информации для самих СМИ и для российского культурного самовыражения? Журналисты имеют очень малую свободу при подготовке репортажей и выражении мнений по любому вопросу, который хозяева считают важным. Показательна судьба «Известий», традиционно считающихся ведущей российской ежедневной газетой. В конце 1996 г. «Известия», до того находившиеся в собственности своих журналистов и работников, продали решающую долю «Лукойлу». В апреле 1997 г. газета перепечатала статью из «Le Monde», в которой В.С. Черномырдин обвинялся в том, что он, будучи премьер-министром, активно накапливал личные богатства. Руководство заблокировало статью. Главный редактор «Известий» И. Голембиовский защищал независимость репортажа. Он дозвонился до Ельцина, который не сделал ничего, чтобы помочь. Тогда журналисты продали контрольный пакет «Онэксимбанку», рассчитывая на его поддержку. Но «Онэксимбанк» принял сторону «Лукойла» и принес в жертву Голембиовского. Многие журналисты ушли из газеты вслед за своим главным редактором. Теперь «Известия» отражают позиции «Онэксимбанка» и «Лукойла».

Вместе с тем жестокая конкуренция между бизнес-группами, например, Березовского и Потанина, означает, что нет единого мнения. К тому же бизнес-группы чрезвычайно склонны к информационному контролю в тех вопросах, которые к ним относятся непосредственно (приватизация телекоммуника-

ций, назначения в правительстве). Но жизнь и информация не ограничиваются этим. Существуют огромные области интересов, не отслеживаемых цензурой. В этом смысле прорыночная идеология с ее фокусом на интересах специфических рынков не является функциональным эквивалентом марксистско-ленинской цензуры, которая вмешивалась во все области информации.

Контроль бизнеса над средствами массовой информации посредством постепенного вывода их из-под влияния государства означает обращение русской мысли к миру потребления, что повсюду составляет содержание глобализированных СМИ. В этом смысле подрывается чувство российской исключительности.

Что касается воздействия на людей, то наблюдатели отмечают: «Опросы общественного мнения показывают, что телевизионные новости и аналитические программы, а также так называемые уважаемые издания имеют очень ограниченную аудиторию в России» (специальный репортаж «Радио свободной Европы», посвященный российским средствам массовой информации). Кажется, что после непродолжительного периода надежд времен гласности ныне в мыслях россиян укоренился скептицизм относительно всего «официального», даже если новый истеблишмент восхваляет демократию и обещает щедроты рыночной экономики. Но, вероятно, это только личностная установка по неприятию явно выраженных политических сообщений, тогда как в целом мысли людей трансформированы новым миром средств массовой информации. Закрывая коммуникацию во все более властный и разнообразный аудиовизуальный мир, связывая новые российские средства массовой информации с глобальным производством и распределением и все более полагаясь на коммерческую рекламу, новые российские элиты непреднамеренно начинают формировать новый смысл. Смысл бессмыслицы. Специфика, которая характеризует культуру реальной виртуальности, сводима к калейдоскопу образов, отражаемых в разбитых зеркалах фрагментарных представлений.

Реконструкция политических институтов: российское сетевое государство?

На первый взгляд, политическая архитектура, которую предложила команда Ельцина для замены Советского Союза, подобна смелому проекту сетевого государства информационной эпохи. Российская Федерация была задумана как стратегический узел супернациональной конфедерации — Содружества Независимых Государств, внутренне децентрализованной в виде сложной сети республик, областей, краев, округов, автономных территорий и муниципалитетов, которые были поощряемы взять, словами Ельцина, «так много автономии, с какой справитесь». И они действительно попытались это сделать. Некоторые республики, такие, как Чечня, Татарстан и Башкирия, объявили независимость. Другие, подобно Якутии-Сахе, утвердили контроль над своими ресурсами. Сибирское соглашение объединило сибирские провинции в попытках переопределить их фискальный статус взаимоотношений с Москвой. По всей федерации сильные ветры регионализма, местничества, этнической идентичности и политической автономии указывали на фундаментальное переопределение российского федерализма, и уже семь дополнительных межрегиональных

кооперационных сетей последовали путем, проиницированным Сибирским соглашением (18). К тому же российское государство все более вовлекалось в международные сети глобального правления. Присутствие России на встрече «большой семерки» (переименованной российскими властями в «большую восьмерку») было глубоко символично, тесная кооперация с Международным валютным фондом и Всемирным банком глубоко трансформировала практику российского суверенитета. С одной стороны, МВФ как прямым кредитованием, так и рекомендациями для других кредиторов, продлевал жизнь российским финансам в ситуации экономической безответственности (негативный рост, минимальный уровень налоговых сборов, финансово неподкрепленные обещания высоких процентов при эмиссии ГКО, периодический дефолт в выполнении государственных обязательств по облигациям и т. д.). С другой стороны, в обмен за подпитку займами, МВФ изо дня в день отслеживал принятие базовых управленческих решений в России, тем самым добавляя новый пласт сложности к действующей политической конструкции.

В принципе правление в России было организовано как сложный комплекс взаимодействий между всеми узлами многоуровневой сети институтов. Чтобы система работала, она нуждалась в гибкости и множественности точек соприкосновения между государством и обществом в течение всего трудного бесконечного перехода от сюрреалистичного социализма к нереальному капитализму. Однако она не заработала, как замыслилось. Прежде всего СНГ оказалось фикцией, раздираемой противоречиями между его членами, каждый из которых стремился присвоить как можно большую долю разграбляемого советского наследия. В лучшем случае СНГ обеспечило институциональную платформу для урегулирования потенциальных конфликтов между соседями и решения практических проблем, вызванных необходимостью взаимодействия в рамках основополагающих структур жизнедеятельности (единая энергосистема, рублевая зона, транспортная сеть и т. д.).

Связь между Россией и западным миром быстро приобретала субординационный характер, фундаментально предписываемый МВФ и характеризующийся возрастанием зависимости Москвы от дипломатических инициатив США и, в меньшей степени, от советов и поддержки Германии. Отношения с национальными республиками были отмечены конфликтами, апофеозом которых явилась гибельная чеченская война, показавшая пределы военной возможности Москвы навязывать свою волю. Хотя Татарстан и Башкирия пошли на тесное сотрудничество с Москвой, это совершилось в обмен на отвоеванный ими значительный контроль над их собственными ресурсами.

Федеративные отношения эволюционировали в постоянно меняющуюся во времени и пространстве модель. Можно выделить несколько периодов. После первоначальной фазы относительной автономии, ознаменованной Федеративным договором 1992 г., демонстрация силы Ельциным в октябре 1993 г. привела к рецентрализации. С одной стороны, Ельцин попытался упрочить власть через сеть своих представителей. С другой стороны, Конституция открыла каналы представительства региональных элит посредством их присутствия в Совете Федерации, верхней палате российского парламента. Однако это полностью не сработало. Политические процессы в ключевых регионах, например в Екатеринбурге, Владивостоке, Новосибирске, показали ограниченность власти президента, когда региональные элиты сохранили стремление к автономии как

основе консолидации и бросили вызов попыткам президента навязать своих людей в качестве региональных лидеров. Даже московское правительство Лужкова быстро создало свою собственную основу власти в союзе с Черномырдиным и Ельциным, но с собственным независимым доступом к источникам капитала, медиавливания и политической власти.

Президентский декрет 1996 г., разрешающий регионам демократическим путем избирать своих губернаторов, подтвердил реальность региональных властей и попытался установить новую основу сотрудничества с президентской властью, ослабленной трудными выборами 1996 г. Новая тактика Москвы заключалась в удержании жесткого контроля за фискальными ресурсами в центре, допуская рост политической автономии на периферии. Но и это полностью не сработало. Региональные элиты устанавливали связи непосредственно с промышленными и финансовыми группами, а также с иностранными инвесторами, продавая доступ к своим территориям — с их ресурсами и рынками — в обмен на нужные им блага. Когда же Москва пыталась «прижать» регионы при выделении фондов, провинциальные власти играли на лишениях граждан, обвиняя Москву в отсутствии платежей и сокращении бюджетного финансирования. Федеральные отношения также были чрезвычайно разнообразны в пространственном аспекте. В зависимости от местных и региональных властных отношений уровни автономии и самоуправления были крайне различными. Следовательно, вместо сети институтов реально возникшая политическая система была основана прежде всего на местных и региональных системах власти с их собственными деловыми связями, интересами и ведением бесконечных переговоров с Москвой по поводу их лояльности в обмен на усиление их позиций в федеральном бюджете и управлении региональными ресурсами.

В конце концов в ходе кризиса 1998 г. региональные власти получили перевес над сильно ослабшей президентской властью для увеличения своей автономии. Губернатор Хакасии Алексей Лебедь объявил по телевидению о своем решении остановить перечисления в федеральный бюджет, сравнив при этом Ельцина с Гитлером. Калининград ввел на своей территории «чрезвычайное положение». Губернатор Сахалина заявил, что эти действия могут быть расценены, по его словам, как сигнал «начала распада России». Республика Саха приостановила поставки золота, алмазов и других природных ископаемых в центр. Красноярск, ныне управляемый Александром Лебедем, ввел собственный ценовой контроль, и так же поступили несколько других административных единиц. Губернатор Омска запретил продажу продуктов питания в другие регионы. Подобные меры были введены и в некоторых европейских областях. В Саратове вынашивались планы введения региональных купонов как средств платежа. Свердловская область объявила о готовности печатать собственные деньги в случае углубления кризиса. Если уже сейчас более 40 % экономики находится в ситуации бартерной торговли, то при нарастании кризиса возможность региональной фрагментации российской экономики не может быть исключена.

Формальная сеть институтов фактически была сломана по всему пространству. Республики, провинции, территории, города стали автономными сущностями, пытающимися реализовывать собственные интересы, впоследствии договариваясь об этом с Москвой. Вместо сети усиливается полярность централизма и локальности. Москва хотела удержать контроль административными мерами, тогда как региональные и местные правительства, обычно не сотруд-

начающие друг с другом, пытались захватить контроль над своими богатствами и ресурсами в максимально возможном объеме, устанавливая при этом прямые связи с крупным бизнесом, как национальным, так и региональным. Результатом была растущая территориальная дезинтеграция российского государства, сдерживаемая лишь растущей экономической интеграцией на базе альянса между мощными бизнес-группами национального и регионального уровней. Сети бизнеса и групп интересов заменили государство. Централизованное государство постепенно утратило власть над необъятными российскими территориями, и возник вариант политического неофедерализма, при котором различные уровни государства оказались расчлененными и попали под влияние господствующих групп каждого региона и города.

Однако кризис 1998 г. может изменить эту тенденцию. Может возникнуть новый вид политико-институциональной сети с регионами, становящимися все более автономными экономическими и политическими акторами, но и с Москвой, все еще являющейся критическим узлом в связях с глобальной экономикой и в перераспределении ресурсов. Это может быть сеть, основанная на большей региональной автономии, с горизонтальными отношениями между региональными правительствами и гибкими договорными отношениями с Москвой. Центр мог бы стать более слабым, но сохранить за собой координационную и связующую роль. Фактически, как это ни парадоксально, проект Ельцина истинно децентрализованной федеральной системы может быть в итоге реализован как результат наследия ельцинской централизации власти.

Впрочем, в зависимости от политического процесса может развиваться альтернативный сценарий. Если Москва упорствует в утверждении своей власти вместо наделяния суверенитетом и ресурсами, противоречие между сегментированной глобализацией экономики и территориальной разобщенностью государства может стать фундаментальной чертой нового российского кризиса. Это может не привести к сепаратизму и независимости (за исключением Кавказа), так как подавляющее большинство населения представлено этническими русскими. Но де-факто это может привести к утрате национального политического единства, если только политическая дезинтеграция не запускает националистическую реакцию, нацеленную на утверждение российского единства и идентичности путем чрезвычайных политических мер.

Переосмысление России на пороге нового тысячелетия

Кризис, переживаемый Россией, вновь, в конце XX столетия, бросил вызов нашему концептуальному созиданию. Без глубокого понимания текущих кризисных процессов и перемен будет трудно, как в России, так и в мире в целом, управлять наиболее опасными переходами. К тому же зачастую интеллектуальные категории, посредством которых мы интерпретируем российские проблемы и конфликты, являются пленниками устаревшей структуры, в значительной степени носящей следы интонаций холодной войны. Мы все еще думаем в терминах дихотомии между капитализмом и социализмом, либерализмом и советизмом, Западом и Востоком, предпринимателями и бюрократами, свободой и коммунизмом, централизмом и локальностью. Наш прежний образ мыслей просто неприменим к России, да и к миру в целом. Но в России

аналитический вызов даже более осязателен, поскольку в конце столетия она комбинирует различные направления перемен, полностью погружаясь в новую глобальную реальность.

Принимая во внимание состояние беспорядка, в котором мы пребываем в настоящее время, мы ничего не теряем, пытаясь применить неопробованную схему анализа. Мы предполагаем, что, переосмысливая Россию в рамках модели сетевого общества, можно пролить свет на процессы перемен в других районах мира и внести некоторую ясность в наше понимание будущего. Например, если мы считаем, что огромная территория России вместо того, чтобы быть фактором ее изоляции от мира, определяет внутреннюю социальную разобщенность между узлами, связанными с глобальными сетями, и локальностями, замкнутыми в их оборонительности выживания. Или, если мы понимаем экономику как набор сетей с различными уровнями связей, как различные сети, организующие финансовые потоки, экономику, ориентированную на экспорт природных ресурсов, бартерную, киосковую и криминальную экономику, когда выявление точек соприкосновения, изменяющихся во времени, зависит от результата торга между экономическими агентами. Трансформация государства также может быть лучше понята как разорванная сеть институтов, что в целом подрывает практику политического суверенитета посредством установления связи с различными конфигурациями экономических и политических элит. Это противоречит традиционному формальному подходу в терминах моделей федерализма.

Взгляд на новую российскую культуру как на лоскутное одеяло глобальных сообщений и местных прочтений при постоянном переопределении смысла по ходу увеличивающегося потока электронного гипертекста — по-разному принимаемого людьми в зависимости от их точек зрения — может помочь переосмыслить возникающие идентичности.

Если мы способны переосмыслить Россию в категориях информационной эпохи, мы можем приблизиться к разгадке величайшей тайны — отсутствию социальных движений в переходной России от нигде до везде. Ведь существует железное правило социальной истории: социальные движения являются критическими требованиями, запускающими и ориентированными на социальные изменения, даже если в большинстве случаев идеалы и планы движений оказываются разрушенными, видоизмененными и размытыми в процессе институционализации. Наследие советского коммунизма является наиболее значительным в современной истории исключением из этого правила. С очень немногочисленными оговорками (национализм в республиках Балтии, «Демократическая Россия») социальные движения были второстепенным фактором российской реформы как революции сверху, вышедшей из-под контроля. Но парадокс усиливается отчетливой политической пассивностью, терпимостью российского населения к страданиям, причиненным трансформацией, к реализации циничной эксплуатации новыми «демократическими» спасителями, криминализации сегментов экономики и государства, национальному унижению и нескончаемому предательству их надежд.

Нетрудно понять, почему россияне, особенно молодые, не соблазняются на популистские призывы слегка обновленных коммунистов, и почему они не доверяют неолиберальным экономистам, поклонникам Пиночета. В истории социальные движения всегда вырастали из глубин общества, не спрашивая на

то позволения самозванных политических лидеров. Почему в сегодняшней России этого нет? С нашей точки зрения, базирующейся на 25-летнем исследовании социальных движений по всему миру, существует простой ответ. Социальные движения не вырастают лишь на основе боли, страдания и угнетенности. Это почва для мятежа, но не для движения. Российское население в целом слишком образованно, чтобы взорваться без учета последствий своего восстания. В итоге индивидуальные и групповые стратегии выживания являются более приемлемым средством в ситуации, когда мир не может быть изменен. Соответственно вопрос состоит не в том, почему россияне не поднимают восстание, а в том, почему они не верят, что мир может быть изменен.

Социальные движения всегда сочетают раны страданий с целительными идеалами. Без идеалов, мечтаний и надежд нет социальных движений. Россия всегда была одновременно долготерпящим и потенциально революционным обществом, до тех пор пока истощение идеалов в период правления Сталина, Брежнева, Горбачева, Ельцина, во время бюрократического социализма и дикого капитализма не иссушило надежду и веру. Следовательно, пока способность людей генерировать новые идеалы не восстановится, не будет и социальных движений, а без них Россия не изменится.

Ортодоксальные экономисты заблуждаются: общества создают институты, позволяющие рынкам действовать продуктивно. Рынки без институтов подобны диким джунглям, наполненным насилием. Институты, которые не укоренены в обществе, являются бюрократическими и становятся источником угнетения. Социальное изменение в России зависит от формирования гражданского общества, порождаемого новыми социальными движениями.

Но эти социальные движения не могут быть такими же, что были в прошлом. Не будет ни знамен, ни массовых парадов, ни всеохватывающих идеологий, ни авангардных партий и натиска государства. В информационную эпоху овладение символами, вера в человеческие ценности становятся решающим фактором мобилизации населения. Децентрализованные, сетевые и глубоко укорененные процессы социального изменения, использующие информационные и коммуникационные инструменты и создающие новое общество, находясь внутри его, являются новым алгоритмом социальной трансформации. Нынешнее обилие неправительственных организаций в России могло бы стать прообразом новых форм социального изменения.

Мы не знаем, что конкретно это означает для России, но мы знаем, что значительное социальное изменение не будет инициировано политической системой. В лучшем случае творческие политические фигуры могут быть открыты для принятия новых ценностей, которые вводятся людьми, изменяющими свою жизнь. И мы знаем, что интеллектуальные схемы, которые мы используем, не могут обнаружить эти процессы создания трансформационных ценностей. Необходимо уловить, как россияне генерируют новые идеалы и как эти идеалы становятся источниками альтернативных форм общества. Общества, способного развивать рынок, не превращая его в фетиш. Общества, которое примет демократию, так как она будет связана с повседневной жизнью. Переосмысление России есть изначальное условие, чтобы почувствовать Россию. И дать возможность россиянам почувствовать, что они вновь могут поверить в возможность действительной трансформации: от выживания к жизни.

Концептуальная схема, представленная в этой статье, является попыткой понять Россию в категориях ее будущего, тогда как Россия все еще пробивается через новое время несчастий неявного перехода от своего прошлого.

Перевод с английского С.Ю. Барсуковой

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Castells Manuel*. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I—III. Oxford, 1996—1998. Рус. пер. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. ГУ-Высшая школа экономики. М., 2000.
2. *Doucette D.* Telecommunications in Russia, Ph.D. Doctoral Dissertation, Berkeley: University of California, Department of Political Science, unpublished; 1995.
3. *Campbell R.W.* Soviet and post-Soviet telecommunications: an industry under reform, Boulder, Colorado: Westview Press; 1995.
4. *Rohozinski R.* Networks and the dialectics of control // Paper presented at the Conference on «Information Technology and Social Inequality» organized by the United Nations Social Development Research Institute, Geneva, 1998. June (unpublished).
5. *Castells M., Kiselyova E.* The collapse of the Soviet Union: the view from the Information Society, Berkeley: University of California, International and Area Studies Book Series; 1995.
6. *Wolcott P., Dorojevets M. N.* Making the transition? High-performance computing in Russia//Current Politics and Economics of Russia, 1998. Vol. 8, № 2/3. P. 127.
7. *Aslund A.* How Russia became a market economy. Washington D.C.: The Brookings Institution; 1995.
8. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: «The rise of the network society». Vol. 2: «The power of identity». Vol. 3: «End of millennium», Oxford, and Malden, Massachussets: Blackwell Publishers. 1996, 1997, 1998.
9. *Business Week*. 1998. October 5. P. 30.
10. *Известия*. 1998. 16 октября.
11. GBN «Business Environmental Scan: Russia», Emeryville, California: Global Business Network, Business Report (unpublished), 1998.
12. *Gordon M.R.* As ruble withers, Russians survive on barter // *The New York Times*. 1998. September 6.
13. *O'Brien T.* The Shrinking Oligarchs of Russia // *The New York Times*, 1998. 27 Sept. Section 3. P. 1-13.
14. *Bonnell V. E.* Iconography of Power. Soviet Political Posters Under Lenin and Stalin, Berkeley: University of California Press; 1997.
15. *Mickiewicz E.P.* Changing channels: television and the struggle for power in Russia, New York: Oxford University Press; 1997.
16. *Shane S.* Dismantling Utopia. How Information ended the Soviet Union. Chicago: Ivan R. Dee; 1994.
17. См.: «Российские медиаимперии». 1997/1998.
18. *Smith G.* Sustainable federalism, democratisation, and distributive justice // *Citizenship in diverse societies. Theory and Practice* / Ed. by W. Kymlicka, W. Norman Oxford: Oxford University Press; 1998.